

ФИЛОСОФ

Андрей КРЫЛОВ

16+

Андрей Крылов
Философ

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Крылов А. В.

Философ / А. В. Крылов — «ЛитРес: Самиздат», 2007

ISBN 978-5-532-05464-6

Перед вами нетипичный роман, события которого разворачиваются в мире будущего, где болезнь забирает людей. Они едва доживают до 20 лет, и есть лишь один старец с иммунитетом. А ещё есть Бог. Самый настоящий. И раз в год каждый человек получает возможность исповедоваться перед самим Богом. А не перед его заместителями. Бог есть, церкви нет. Есть опасная болезнь, но нет лекарства. Есть тайна иммунитета 152-летнего философа. И есть увлекательный роман на вечер, который расставит все точки и не оставит вас равнодушными.

ISBN 978-5-532-05464-6

© Крылов А. В., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Глава I. Юнец	6
Глава II. Обречённый	8
Глава III. Вопрос	10
Глава IV. Задание	11
Глава V. Устами младенца	12
Глава VI. Зачем всё это нужно?	13
Глава VII. А почему так?	16
Глава VIII. Просьба	17
Глава IX. Старец	18
Глава X. Философ	20
Глава XI. И всё же, почему так?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пролог

Аристокл спал, как всегда в последнее время, не очень крепко. Бог слишком часто являлся к нему и во время сна. Не то чтобы Аристокл был против этого, напротив, в его возрасте сон и так был уже не очень крепким, и это было даже приятно, что кто-то проводит с тобой пару часов в беседе, в то время как весь мир спит. И вот опять он почувствовал, как всё вокруг него становится чуть менее реальным. Звуки и запахи начали затихать, и органы начали воспринимать совершенно другие вещи. Всё вокруг буквально наполнялось невидимым присутствием. Примерно через минуту он услышал голос:

– Приветствую тебя, Аристокл!

– Приветствую Тебя, Бог!

– Я хотел бы побеседовать с тобой.

– С превеликим удовольствием.

И ГОВОРИЛ ВСЕСИЛЬНЫЙ ВСЕ СЛОВА ЭТИ, СКАЗАВ: «Я БОГ, ВСЕСИЛЬНЫЙ ТВОЙ, КОТОРЫЙ ВЫВЕЛ ТЕБЯ ИЗ СТРАНЫ ЕГИПЕТСКОЙ, ИЗ ДОМА РАБСТВА. ДА НЕ БУДЕТ У ТЕБЯ ИНЫХ БОГОВ, КРОМЕ МЕНЯ».

ТОРА, КНИГА ШМОТ, ГЛАВА 20:1-3

Часть 1

Глава I. Юнец

Эрик посмотрел вверх. Отвесная скала. Ступеньки, уходящие в небо. Верхушка. То место, где заканчиваются ступеньки, всегда было скрыто облаками. Это была гора Ареат. Но горой её было трудно назвать. Это была скала, которая, как стрела, проткнула яблоко насквозь, но застряла в нём на вылете. Так она и возвышалась над землей, на уровне добрых пары километров. Казалось, это не ступеньки выбиты в скале, а скала была там только для того, чтобы ступени не висели в воздухе. Настолько этот шпиль, называемый горой Ареат, был тонок. Он не внушал никакого доверия, и, казалось, стоит только подуть сильному ветру или кому-нибудь взобраться наверх, и Ареат тут же сменит позицию на горизонтальную. Но гора стояла прочно, и на неё постоянно поднимались люди.

Эрик подошёл к основанию горы. «Тропа Бога» – гласила деревянная табличка, которая была вбита в землю у начала ступенек. Она была такая же древняя, как и само место. Тем же загадочным способом она отказывалась подчиняться законам природы и здравому смыслу, как и всё остальное. Табличка всегда выглядела очень мудрой, но достаточно крепкой. Как и скала, которая не дрогнула даже во время самых сильных ураганов. Как и облака, которые всегда скрывали верхушку скалы даже в самые ясные дни. Как и ступеньки, которые никогда не покрывались льдом, хотя, судя по высоте, должны были. Ну и, наконец, как и воздух, который не был разряженным даже на самом верху и позволял совершить подъём наверх за час – полтора.

Эрик посмотрел на табличку. Она стояла около первой ступени. Это означало, что сейчас наверху никого нет – путь свободен. Он поднялся на несколько ступенек и немного потянул табличку на себя. Она легко поддалась и, перевернувшись по оси на бесшумных шарнирах, встала, перегородив подъём. Теперь никто не сможет подняться на Ареат, пока он не вернётся обратно.

Эрик начал восхождение. Путь предстоял неблизкий. Это удивительное место отличалось от всего того, что было привычно для Эрика. К примеру, здесь не было лифта, и весь этот путь надо проделать самостоятельно. Единственный механизм – табличка на шарнирах при входе. Всё остальное было таким же, как и много лет назад, когда люди впервые обнаружили это место. Но Эрик не жаловался на отсутствие лифта. Напротив, его молодым ногам путь давался довольно легко. К тому же он, как и каждый житель этого Края мира, поднимался сюда не в первый раз и знал, что ступени лишь добавляют времени на раздумья, на то, чтобы окончательно решить, о чём на этот раз разговаривать с Богом.

Эрик забылся в размышлениях. Он не заметил, как поднялся выше облаков. Теперь до вершины оставалось не больше сорока ступенек. Он сбавил темп. Там ждало то, что всегда захватывало его дух.

В первый раз Эрик пришёл сюда, когда ему было одиннадцать. С тех пор он возвращался раз в год, используя своё право на исповедь. Сейчас ему двадцать, но ему казалось, что зрелище наверху стало ещё более волшебное. Он не мог понять: почему? Единственным предположением было то, что увеличилось количество его знаний, и, как следствие, необъяснимость вещей, происходящих на этой горе, приобрела ещё более отчетливые границы.

Эрик поднялся. Перед ним стояла вторая табличка: «Помолись, и тебя услышат». Она была такая же старая, как и первая, и выглядела так же хорошо. Единственная разница была в том, что эта табличка никуда не двигалась, а просто стояла на месте и встречала всех, кто был в растерянности и не знал, зачем пришёл. И на это имелись довольно веские причины.

Табличка была вбита в абсолютно плоское каменное плато, метров семи в диаметре. От плато отходила каменная тропа, примерно двенадцати метров длиной и метр шириной. Края были волнистые, неровные, но довольно симметричные, поэтому казалось, что они сделаны руками человека. Но это только на первый взгляд.

Тропа была из единого каменного массива. Она крепилась одной стороной к плато, вторая – просто висела в воздухе. Причём толщина камня была не более двадцати сантиметров. Это полностью уничтожало теорию о «человеческом» происхождении этого монолита. Сооружение смотрелось настолько хрупким, что, оказись Эрик на этой тропе, он бы побоялся даже кашлянуть, чтобы она не обрушилась. Само собой, и речи не могло идти о том, что кто-то создал её, даже каким-нибудь лазером или крис-ножом. А, принимая во внимание возраст этой тропы, то и выдолбить её...

Эрик ухмыльнулся. Он рассуждал о пустяках, когда на самом деле истинное чудо было в конце тропы – огромный валун попросту висел в воздухе. На вид не менее полутонны, он рвался взлететь, и единственное, что его останавливало – это три толстые цепи, вбитые одним концом в сам камень, а другим – прикрепленные в конце тропы. Хотя возможно ли вообще применять весовые критерии к куску скалы, который, как шарик, наполненный гелием, пытался взмыть в небо? Да и о каких критериях может идти речь на Ареате? Это место было насмешкой над всем школьным курсом наук. И хотя оно существует с незапамятных времён, о нём нет никаких упоминаний ни в литературе, ни в истории. И даже сейчас, когда измерили вес кварка и толщину фотона, никто так и не поднялся сюда с приборами, никто не пытается понять, что держит камень в воздухе, а тропинку – в целостности. Но это, пожалуй, единственное, что люди, как-то не договариваясь, решили не изучать. Это – Тропа Бога. Сюда приходят лишь для одного: чтобы пополнить свои душевные силы. Сюда приходят, чтобы побыть с Богом.

Эрик собрался с мыслями и сказал:

– *Боже, услышь меня!*

– *Приветствую тебя, Эрик! Что привело тебя ко Мне?*

Глава II. Обречённый

Эрик вошёл в комнату. Соня сидела на полу. Она была красивой девушкой. Белое, но не бледное лицо обрамляли ровные густые и чёрные, как смоль, волосы. Маленький носик был вздёрнут чуть кверху. А над ним самыми яркими пятнами были большие зелёные глаза. Вся эта утончённая композиция крепилась к изящной шее, от которой взгляду открывалось хрупкое худенькое тело. Всё это вместе называлось Соней, являлось лучшим другом Эрика ещё с детства и было объектом его тайной любви.

Эрик сел на пол напротив неё. Её глаза были полны сочувствия, и это раздувало и без того колючий ком в горле. Она была на полгода младше его, но уже вступила в опасный возраст. Тот возраст, когда не стоит строить планов дальше, чем на неделю – две вперёд.

Эрик решил заговорить:

– Как обидно осознавать, что твоя жизнь прожита зря! Вот и ещё один микробиолог, который так и не принёс ничего нового людям, уходит из жизни!

– Эрик, прекрати!

– Что прекрати!? Соня, ты совсем не понимаешь!? Вот если бы ты была не механиком, а каким-нибудь вирусологом или доктором на худой конец, ты бы тоже так говорила, когда почувствовала бы Симптомы.

– Когда ты их почувствовал?

– Два дня назад. Мне осталось не больше недели.

– Мы хороним людей каждый день. Ты это знаешь. Я привыкла к этому. Поэтому с семнадцати лет не ходила на похороны, но приду на твои. Обещаю. Ты очень дорог мне. Только, пожалуйста, успокойся!

– Спасибо, Соня. Я это ценю. Извини, что я такой взвинченный. Даже не знаю, почему. Ведь никто уже не живёт больше двадцати – двадцати двух. А мне уже двадцать! И что меня заставило думать, что я буду тем гением, который найдёт Решение!?

– Не терзай себя так. Ты не смог, как, впрочем, и многие поколения до тебя. Лучшие давай проведём последние пару дней вместе. Я постараюсь помочь тебе скрасить это время. Хочешь, пойдём прогуляемся? Я возьму аэрокар, и мы летаем на море.

– Я не знаю...

– Просто, согласись. Тебе всё равно нечего сейчас делать, кроме как пойти на работу в лабораторию. Я позвоню туда и всё расскажу. Ты ведь знаешь, что это незазорно не ходить на работу, когда чувствуешь Симптомы...

– Ладно, поехали!

Эрик сел в машину. Соня завела мотор и выставила программу автопилота на нескоростную поездку к живописной бухте. «Мы, наверняка, будем там единственными», – подумала она. Народ этого Края мира был трудолюбив: работал допоздна и без выходных. Все пытались найти Решение. Впрочем, так же дела обстояли и в других Краях мира.

Соня окинула взглядом Эрика. Он всегда казался ей чересчур худым, а сейчас из-за своих переживаний он совсем осунулся. У него была очень белая кожа, как и у неё самой, с одной лишь разницей – он был рыжим со всеми вытекающими последствиями. Веснушки, щедро рассыпанные по всему лицу, сильно выделялись на белой коже. Копна рыжих волос на голове не менялась, сколько Соня его помнила: она всегда была пышная и торчала во все возможные стороны. Довольно большой, но узкий нос, был так же тесно населён веснушками. Всё это работало в совокупности и придавало Эрику очень забавный вид энергичного и задорного юноши.

Но сейчас всё это куда-то делось, и Эрик выглядел совсем не задорным, а по глазам – так и вовсе не юношей. В его карих глазах, казалось, сосредоточилась вся грусть мира. Соня не хотела давать Эрику погружаться в свои мысли и решила разговорить его:

– Ты был сегодня утром на Тропе Бога?

– Да.

– Ты рассказал Ему о Симптомах?

– Соня, Он – Бог, Он и так о Них знал. Более того, если верить древним писаниям, то именно Он и послал Их мне.

– Ну и о чём вы говорили?

– Ну разве это разговор? Ты же знаешь, у Него есть замечательная отговорка: «Твой разум недостаточно развит, чтобы понять до конца ответ на данный вопрос, а посему Я не буду зря беречь его и не отвечу вовсе». Тем более, я скоро попаду в Его Царство, и у нас будет бесконечно много времени на беседы.

– Всё равно перескажи мне ваш разговор. Это лучше, чем молчать.

– Ну, хорошо. Я пришёл к Нему и сказал, что меня беспокоит один вопрос.

– Какой?

– Я не знаю, как сказать. Я его ещё никогда не озвучивал. А Он – Бог, и Ему не нужны были мои слова для понимания, что у меня на сердце.

Глава III. Вопрос

- У меня есть вопрос, который не даёт мне привыкнуть со всем этим.*
- Да, Я вижу, что тебя мучает.*
- И Ты ответишь на него?*
- Что ж Эрик, почему нет? Я думаю, у тебя есть все причины получить ответ на вопрос: «А зачем всё это, если мы всё равно не живём больше двадцати двух?»*
- Это не совсем то, что я имел в виду.*
- Эрик! Это именно то, что ты имел в виду.*

Глава IV. Задание

- Ну, так что же всё-таки произошло? Он ответил на твой вопрос?*
- Не совсем. Ну, ты знаешь. Вроде бы ответил, а ничего нового я так и не узнал. Соня, ты ведь ходишь на Ареат. Ты должна знать, о чём идёт речь.*
- Да, я знаю Эрик, но, тем не менее, что Он сказал тебе.*
- Он дал мне задание.*
- Бог дал тебе задание?*
- Ну я не знаю, как это назвать по-другому. Он сказал, что я должен провести один день в детском саду. Поговорить с детьми.*
- Интересно... И это всё?*
- Нет. После этого я должен поговорить со Старцем. Он сказал, что у меня есть ещё почти неделя, и я должен успокоить свой разум за это время.*
- Я пока не очень понимаю смысла этого задания, но ты ведь выполнишь его?*
- Такова Его воля.*

Глава V. Устами младенца

Эрик улыбнулся. Он давно здесь не был. Очень давно. Он решил провести день в старшей группе детского сада, с теми, кто через несколько месяцев пойдёт в школу. Прямо перед ним сидели, лежали, стояли и просто нахально валялись семнадцать детей. Им было по пять лет. Они тоже улыбались. Ведь точно так же, как и он, они не часто видели взрослых. Воспитание детей было уделом роботов.

Роботы вообще выполняли почти все функции в жизни. Роботы собирали новых роботов. Роботы чинили роботов. Воспитывали детей в детских садах, учили в школах, занимались разведением скота и выращивали культурные растения. А потом другие роботы готовили из этих продуктов еду. Люди лишь занимались наукой. Дети и школьники жили и развивались в заведениях закрытого интернатского типа, поэтому взрослые и дети встречались очень редко. Взрослые люди в этих заведениях были не нужны. Роботы кормили, одевали, обучали и полностью ухаживали за детьми. Дети постигали от машин абсолютно всё: от умения говорить до немыслимых знаний в сфере наук в высших учебных заведениях.

Была лишь одна наука, которую объясняли взрослые. На эту науку выделялся один целый день, примерно раз в год, но это была самая важная наука. Для этой науки не было пособий, не было учителей. Обычно её преподавал любой взрослый волонтер, решивший отдохнуть от своей повседневной работы, чтобы получить небольшую разрядку на один день. И это неудивительно: каждый знал её на зубок.

Так как Эрик пришёл в детский сад, то было решено, что он и проведёт этот урок. А называлась эта наука так же, как и вопрос, с которым Эрик поднимался вчера на гору Ареат.

Глава VI. Зачем всё это нужно?

Эрик поздоровался. Дети ответили ему дружно и весело. В их глазах было заметное возбуждение. Они впервые в жизни проходили этот предмет. Первый раз в жизни их обучает не машина, а человек. Хотя это, конечно, не первый раз, когда они видят взрослого.

– Ну что ж, дети, начнём! – Эрик пытался интонацией и задором снять с себя напряжение, но его ладошки уже были влажные. – Меня зовут Эрик, и я буду объяснять вам, зачем всё человечество занимается тем, чем оно занимается или, проще говоря, зачем всё это нужно.

Задор, с которым начал разговор Эрик, не прошел мимо детей. Их глаза заблестели ещё ярче, хотя они и до этого могли осветить целый ангар без всяких лампочек. Только вот Эрик не смог избавиться от волнения, сковавшего всё его тело. Ещё бы, ведь только сейчас он осознал смысл поручения, полученного вчера на горе. Ему предстояло объяснить бесхитрым детям то, что он сам вчера пришёл спросить. Но назад дороги не было, и он продолжил.

– Этот предмет – смесь всех наук сразу и, тем не менее, сам по себе он не является какой-либо наукой. Это просто разговор, который я проведу с вами точно так же, как проводили его со мной, когда я был на вашем месте в вашем возрасте.

«Именно так я и сделаю! – подумал Эрик. – Надо просто повторить то, что тогда услышал сам, это не требует от меня ни понимания, ни веры». Эта мысль успокоила Эрика, и он начал своё повествование.

– Итак, как вы знаете, более трёхсот лет назад наш мир постигло большое несчастье – Болезнь. Но для начала расскажу вам немного о том, что было до этого. Это необходимо, чтобы вы представляли, как круто изменилась наша жизнь.

За десятилетие до этого, в середине 24-го века, человечество добилось больших высот в науке. Не буду загружать ваши детские умы цифрами, расскажу лишь общую картину. Люди вышли в далёкий космос, за пределы нашей Солнечной системы. Были обнаружены две новые планеты земного типа, и началась их колонизация. Средняя продолжительность жизни людей составляла примерно сто пятьдесят лет. Были достигнуты небывалые высоты во всех медицинских и околomedicalских науках. Были найдены лекарства практически от всех болезней. За несколько последних столетий не было ни одного вооружённого конфликта, а впоследствии отдельные государства перестали существовать вовсе. Роботостроение достигло своего апогея. Впрочем, это видно и сейчас. Человеку больше не надо было заниматься физическим трудом и заботиться о своих естественных потребностях. Жизнь была комфортна и интересна. По свидетельствам, дошедшим до нас, в воздухе витал дух оптимизма и доброжелательности. А потом пришла Болезнь.

До сих пор неизвестно, какого рода это заболевание: вирус, мутация или что-то ещё. Но результат вы знаете. Человек рождается, живёт, чувствует Симптомы и умирает, не дожив зачастую даже до двадцати трёх лет.

– А что это за Симптомы, Эрик? – спросила девчущка с большими от страха глазами.

– Вам нечего бояться. Ещё не было ни одного случая, когда Симптомы появлялись раньше девятнадцати лет. Но на вопрос я отвечу. Симптомы – это сильная боль во всех мышцах. Успокоилась?

– Да, Эрик. Извините, что перебила.

– Ну что же, продолжим. После того, как появляются Симптомы, у человека остаётся от семи до десяти дней, затем он покидает наш мир. Болезнь пришла мгновенно, никаких очагов распространения, никаких источников. Она вмиг постигла всех людей. После нескольких месяцев работы лучших умов стало понятно, что это – необычная болезнь, и что быстро её не побороть. Перед человечеством встал вопрос: как жить дальше?

Все предложения сводились к двум основным концепциям: гедонистической и сберегательной. Сразу поясню, о чём идёт речь. Первая появилась сама собой, так как изначально заложена в психологии людей. Как понятно из названия, впрочем, вам вряд ли уже знакомо такое слово, принцип этой концепции прост: жить ради наслаждения. Роботы полностью обеспечивали жизнь продовольствием и комфортом. Если тебя ждёт ранняя смерть, то нужно полностью насладиться тем, что дано, за короткий срок. Вторая концепция – это именно та, по которой мы сейчас живём. Так что расскажу о ней подробнее.

Лучшие учёные пришли к пониманию, что в короткий срок лекарство не найти, и придётся потратить очень много лет на поиск Решения. А значит, нельзя предаваться наслаждениям, напротив, необходимо потратить все силы на создание лекарства. И если время ограничено, то и использовать его надо рационально. Именно по этой причине вы поступите в школу в пять с половиной лет, а в девятнадцать окончите университет, к этому возрасту у вас будут знания, которые раньше получали только к двадцати пяти годам. А дальше – работа: исследования, научные изыскания. Так и пройдёт вся ваша короткая жизнь: без выходных, без каникул, без отпусков. Это продолжается уже три сотни лет, и будет продолжаться, пока кто-нибудь не победит Болезнь. Возможно, это будет один из вас, а, может, человечеству уготовано ещё пятьсот лет такой жизни. Один Бог знает! – Последнее Эрик произнёс с усмешкой. Он с Ним говорил только вчера. А через неделю сможет поговорить с Ним ещё. Гораздо больше. Может, тогда он тоже узнает, поймёт ответы на все вопросы. Только зачем всё это будет нужно? Может, зря всё-таки человечество выбрало не гедонистическую концепцию? Тогда он как микробиолог, может быть, не чувствовал бы, что его жизнь прошла абсолютно впустую.

Услышав паузу, дети недоумённо начали шептаться. Это вернуло Эрика в реальность, и он продолжил:

– Но вернусь к принципам сберегательной концепции. Люди до сих пор не приблизились к разгадке Болезни, и абсолютно непонятно, где её искать. Поэтому было решено параллельно развивать все научные сферы. У этого решения была ещё одна причина. Представьте себе ситуацию, если мы отдадим предпочтение лишь тем наукам, которые связаны, скажем, с вирусологией, и даже действительно лет через сто найдем разгадку в каком-то губительном вирусе. Но за это время мы совершенно отстанем в развитии других наук. И, как показывает опыт всей мировой истории, мы деградируем. Извините, опять новое слово. Мы забудем многое из того, что уже знали, да и просто не останется людей, которые будут знатоками «заброшенных» отраслей.

Итак, после того, как я объяснил концепции, вернёмся к истории. Человечество разделилось во мнениях. Те, что придерживались гедонистического варианта, собирались даже воевать. Но военное дело забросили настолько давно, что никто даже не смог вспомнить, как это делается. Решили разойтись мирно по углам планеты. Стен не возводили. Просто отодвинулись друг от друга, чтобы не мешать. Создавать два полюса или собираться всем сторонникам каждой концепции лишь в одном месте было нецелесообразно. Поэтому кто где был, там и остался. Лишь немного разошлись, как я уже говорил, чтобы не мешать друг другу. Гедонистам для наслаждения не нужно жить среди всех своих. А мы обмениваемся информацией о научных успехах с другими поселениями «сберегателей» по информационным каналам. Да и, ко всему прочему, роботам необходимо пространство для выращивания всего того, что мы едим. Поэтому такое распределение было оптимальным. Как вы думаете, что происходит с гедонистами?

– Они, наверно, всё ещё нас не любят и хотят нам насолить! – Тут же созрел ответ от детей. Страх и решимость защищать себя от этих страшных гедонистов тут же озарили их лица.

– Да, я ожидал такого ответа от вас. Более того, однажды мне попались несколько книг ненаучного содержания. Это были фантастические романы о будущем, на которые я

наткнулся в школьном архиве. Они были написаны в начале двадцать первого века, а действие там происходило в наши дни. Так вот все они предсказывали человечеству глобальную войну с полным самоистреблением. Но хочу вас успокоить, ничего такого не произошло. Гедонисты как бы самовыродились. Никто, кроме роботов, не обращал внимания на подрастающее поколение. Но, какими бы высокотехнологичными они ни были, они не могут научить всему. Как я уже говорил, человечество было на высоком духовном уровне. И уже через двадцать лет гедонисты, стремительно терявшие человеческий облик, стали отдавать своих детей в наши поселения, ведь инстинкт сохранения жизни потомству ещё никто не отменял. Через пятьдесят лет гедонистов не осталось совсем. Остались только наши отдаленные, но отнюдь не разрозненные поселения, в которых идёт усердная работа, результатами которой мы обмениваемся друг с другом.

Вот так мы и живём. Работаем без выходных. Даже те, чья деятельность совсем далека от разгадки причин Болезни. У вас есть какие-либо вопросы?

– Эрик, а откуда берутся дети?

Эрик не был готов к такому повороту событий. Наверное, когда он был на их месте, никто не задал такого вопроса, поэтому Эрик совсем не знал, как на него правильно ответить. План повторить всё то, что ему самому рассказывали перед школой, с размахом рухнул. А рыжий мальчуган, задавший вопрос, ждал ответа.

– Этот вопрос не совсем относится к теме нашего разговора, и ты потом сможешь узнать ответ на него у робота-няни, – попытался увильнуть от ответа Эрик.

– Я спрашивал, но ничего не понял.

– Что именно ты не понял?

– Просто няня ответила, что происходит биологический процесс между взрослыми людьми разного пола. А потом женщина девять месяцев должна вынашивать ребёнка. Там ещё были картинки, где женщина с большим животом...

– Это так. Что же ты тогда не понял?

– Я ещё никогда не видел ни одной такой толстой женщины, а дети рождаются.

Эрик улыбнулся про себя. Очень логичный вывод пятилетнего ребёнка. Да и вообще очень здравые рассуждения у детей в пять лет! Чувствуется недавний прорыв в области детской психологии и педагогики. Он как раз выпускался из университета, когда это исследование закончили в каком-то далёком поселении, и им прислали результаты. Эти дети, наверное, смогут начать работать уже в семнадцать. Но надо отвечать, раз уж взялся.

– Ты прав в своих наблюдениях. Мы отказались от этого способа триста лет назад. Сейчас все люди появляются на свет в специальных инкубаторах. Мужчины и женщины лишь сдают, так сказать, необходимые для этого клетки. А дальнейшее уже происходит в искусственной среде при помощи роботов.

– А почему так?

– Подрастёшь – поймешь, – с грустным смешком сказал Эрик.

– А на других планетах люди существуют так же? – последовал новый вопрос.

– Там ситуация такая же. Мы поддерживаем с ними связь. Но в космос большие никто не летает. Они ищут Решение там, мы – здесь. Колонизация космоса продолжается, в основном, роботами.

Эрик устал. Было ещё много вопросов. День пролетел незаметно. Дети отвлекли его от тех мыслей, которые не давали ему покоя с момента возникновения Симптомов. Но у него возник другой вопрос.

Глава VII. А почему так?

Эрик вошёл. Соня открыла ему дверь, несмотря на довольно поздний час.

– Извини, что так поздно. Просто не заметил, как время с детьми пролетело. Я сразу оттуда пришёл к тебе, очень хотелось повидаться. В конце концов, тебе осталось недолго меня терпеть.

– Эрик! Глупая шутка! Я всегда рада тебе.

– Как прошёл день?

– У меня-то как обычно. А вот как у тебя?

– Неплохо. Дети отвлекли меня.

– Эрик, я тебя слишком хорошо знаю. Либо ты врёшь своей лучшей подруге, либо ты нашёл новый повод для печали.

– Скорее второе.

– Что случилось? О чём ты думаешь?

– Соня, а почему так?

– О чём ты? Что почему?

– Просто, так меня спросили в детском саду. Меня спросили, почему мы решили отказаться от естественного способа появления детей?

– Я понимаю, о чём ты. Может быть, это даже более понятно мне, чем тебе. Ведь я же женщина...

– Может быть, тогда бы я не чувствовал, что моя жизнь прошла зря, если бы я смог оставить после себя кого-то. А хотя, может быть, я и оставил. Вполне возможно я даже беседовал со своим ребёнком. Кто знает, как роботы распределяют собранное от нас семя. Но я бы хотел ощутить это. Понимаешь?

– Более чем. Я бы тоже хотела, чтобы у меня был мой ребёнок, которого я выносила и родила сама. Который знает своих родителей. А не тот, кто появился благодаря моей яйце-клетке в пробирке.

– А может?..

– Нет. Ты же знаешь, что у нас ничего не выйдет.

– Соня! Но почему бы не попробовать?

– Нет, Эрик. Давай лучше прекратим этот разговор. Иди домой. Поспи. И сходи завтра к Старцу. Может, он действительно сможет успокоить тебя.

– Хорошо. Извини за всё это... Завтра я пойду к Старцу.

Глава VIII. Просьба

- Аристокл, Я могу попросить тебя?
- Ты можешь повелевать мне, Господи.
- На днях к тебе придёт юнец. Эрик его имя. Ему двадцать лет, и у него Симптомы.

Ему осталось всего несколько дней.

- Ты рано решил его забрать, но на всё воля Твоя.
- Я хочу, чтобы ты побеседовал с ним. Он сильно расстроен.
- Кем он служил Тебе в мирской жизни?
- Он – микробиолог.
- Да. Им всегда тяжелее уходить. Считается, что разгадка к ним ближе всего.
- Поговори с ним. Утешь его.
- Я сделаю всё, что смогу, Господи!

Глава IX. Старец

Эрик не спешил. Ему не хотелось идти к Старцу. Но такова была Его воля. И ничего тут не поделаешь. Да и Соня тоже этого очень хотела.

Его дом находился на самой окраине поселения. Да и домом-то это было трудно назвать. Больше было похоже на небольшой типовой университет. Дом чем-то даже напоминал здание факультета микробиологии, в котором учился сам Эрик. Ходили слухи, что это здание действительно было зданием университета, а Старец был последним учеником. И науку здесь изучали какую-то странную. Эрик не мог вспомнить её название. Только помнил, что от её изучения решено было отказаться более ста лет назад. По слухам, старик, только тогда он ещё не был стариком, решил остаться жить в здании университета. Он говорил, что до самой смерти будет ждать новых учеников. Вот, видно, сам себе и вынес «приговор». Смерть решила не спешить к нему. И по сей день он ждёт её. А, может, он всё же ждёт учеников? Или он знал, что будет жить долго, и поэтому так сказал? Этого слухи не выдавали.

Но достоверно известно лишь одно: Старик не сидел сложа руки. За эти годы он перебрал почти все архивы и прочёл всё, мало-мальски связанное с его наукой.

Отношение людей к Старцу было неоднозначное. Одни любили его за мудрость и часто приходили к нему поговорить после работы. Но таких было немного. Были те, кто ненавидел его за долголетие. Но и таких, к счастью, было немного. Большинство же просто не думало о нём или просто боялось, как все люди боятся того, чего не могут объяснить. А посему они просто «не относились к нему». Для них он как бы не существовал. Исходя из всего этого, от избытка посетителей Старец не страдал.

Эрик относил себя скорее ко второй группе. Он не мог сказать, что ненавидел Старца. Это было бы даже глупо. Ведь они никогда не встречались лично. Но всё же он считал, что долголетие несправедливо досталось человеку, изучавшему ненужную науку. Он сам, конечно же, мечтал о таком даре. Не из корысти. Он даже был готов, чтобы такой подарок от Бога достался не лично ему, а любому его коллеге. Он был уверен: проживи хоть один микробиолог сто лет, то наверняка нашлось бы лекарство. А тут – сто пятьдесят лет! И всё коту под хвост!

Сам того не заметив, Эрик уже стоял на крыльце этого дома-университета. Осознав это, он замедлил ход. Ему захотелось уйти, так и не позвонив в интерком. Но пути назад не было. Он позвонил.

– Заходи Эрик, – был ответ из интеркома.

Эрик вошёл. Он начал сравнивать Аристокла с образом, сложившимся у него в голове. Первым, что бросалось в глаза, была белая борода, которая доходила почти до груди. Она была чуть темнее, чем немногие волосы, которые остались на его голове. Лицо не скрывало почтенный возраст, и морщины щедро его избороздили. Но, в целом, образ создавался очень добродушный. Особенно много было морщин на лбу, что выдавало в Аристокле человека, ведущего интеллектуальный образ жизни. И только глаза были несоответственно молоды и очень умны. Они были светло-голубые и, казалось, заглядывали в самую душу и видели даже то, о чём не подозревал сам хозяин. Тем не менее, от этого Эрику стало ещё больше не по себе.

Старик сидел в большом холле в роскошном старом кресле. Рядом с ним стояло ещё одно кресло, только немного поменьше, куда он и пригласил жестом Эрика. Кресла разделял массивный деревянный стол, на котором лежало несколько старых книг. Весь холл был заставлен стеллажами до потолка. «Нужна целая жизнь, чтобы просто сосчитать все эти книги. А прочесть их и вовсе невозможно, – подумал Эрик. – Хотя жизнь больше двадцати пяти тоже невозможна. Кто знает, может он прочёл их все».

– Почти все, Эрик. Я успел прочесть почти все книги, которые у меня есть.

– Это уже начинает пугать! Сначала Вы знаете, как меня зовут, хотя мы никогда не виделись, и мы не договаривались о встрече. А теперь отвечаете на вопрос, который я задал сам себе!

– Твой вопрос был виден по твоему лицу. Ты его задал своим взглядом. А твоё имя... Создатель предупредил меня о твоём приходе.

– Видно, у вас совсем не осталось тем для разговора. Если во время встречи на Ареате, которая происходит всего раз в год, вы говорите о других.

– Мы беседуем чаще, Эрик. Гораздо чаще. И мне не приходится ходить на Ареат. Если честно, я не был там почти восемьдесят лет. Бог беседует со мной здесь.

«Беседа не на Ареате. Он что, выжил из ума? Хотя нет. Наверно, это всё-таки правда. Иначе откуда бы он знал о моём приходе? Но тогда это получается совсем как-то нагло. Мало ему долгой жизни, так ещё и беседы с Богом вне очереди и с доставкой на дом! Ну почему именно он!» – Эрик даже сжал кулаки от негодования.

– Я знаю, о чём ты подумал. Я не знаю сам, почему именно я. Но это не то, зачем ты пришёл сюда, не для того, чтобы выяснять причину моих привилегий. Садись же. Давай поговорим.

– Вы правы, не за этим. Но я вообще не по своей воле к Вам пришёл. Такова была Его воля.

– Садись. В ногах правды нет. Хочешь, я расскажу о себе? Может, это немного развеет твою агрессию по отношению ко мне.

Эрик не стал возражать, что агрессии не существует. Да и почему бы не посидеть, не послушать. В конце концов, такова Его воля. А Он всегда знает, что делает.

– Хорошо. Согласен.

И Старец начал свой рассказ.

Глава X. Философ

– Меня зовут Аристокл. Мне сто пятьдесят два года. Я родился очень давно. Человечество идёт вперед, несмотря на Болезнь. Веришь, Эрик, или нет, но, когда я был в твоём возрасте, мы оканчивали университет только к двадцати двум. Ещё не было этих машин с гипноусилителями понимания прочитанного. Но и Болезнь тогда забирала не раньше двадцати четырёх. Много воды утекло с тех пор.

Тогда ребят после пятого класса школы распределяли по специальностям. Как и сейчас, это происходило на основе тестов и специальных экзаменов и никак не зависело от человека. Сейчас такое распределение, если я не ошибаюсь, происходит после третьего класса. Да... Много воды утекло.

Я, как и все мои сверстники, после первого урока со взрослым, мечтал стать врачом. Ты знаешь, о чём я. Ты сам провел такой урок вчера. Поверь, теперь они все только и думают об этом. Теперь они мечтают стать вирусологами, микробиологами, нанобиологами... Они, конечно, не знают ещё таких слов. А, может, уже знают.

Так вот. Я, как и все мои сверстники, мечтал попасть на какую-нибудь медицинскую специальность. Я был уверен, что именно я найду лекарство. Но тесты показали другое. Я стал философом. Здание, в котором мы находимся сейчас, – это университет философии. Хотя, наверное, уже бывший. Университет с одним единственным ста пятидесяти двухлетним студентом. Здесь никогда не было слишком многолюдно. В среднем в нашем поселении было одновременно два философа. Особых разработок здесь всё равно нет. Сразу, после того как я окончил университет, было принято решение прекратить изучение философии. Мне было двадцать. Я решил остаться в здании университета, на что было получено разрешение. Насколько мне стало известно, решение было принято в общем масштабе. Когда мне исполнилось двадцать пять, я выяснил, что из всех людей мира я был единственным философом. Остальные уже умерли, да и я сам уже готовился к этому.

Слухи рассказывают разное, я даже слышал вариант, что я нашёл гору, на которой можно поговорить с дьяволом, заключил с ним сделку, и за это буду жить вечно. Но этого, конечно, не было, как не было и всяческих других моих высказываний, обещающих жить, пока не придут новые ученики. Я продолжал изучать философию и ждал появления Симптомов. Но они всё не появлялись. Когда мне исполнилось двадцать семь, учёные спохватились. Я восемь лет прожил в лабораториях. Но никто так и не нашёл даже намёка на причину моего долголетия. В конце концов, у меня взяли образцы всех тканей и отпустили. Я вернулся сюда, продолжил самообразование, жил с полной уверенностью, что Симптомы вот-вот проявятся. Я только к пятидесяти годам перестал ждать Их. А до тех пор был уверен, что Бог дал мне лишь отсрочку, но не освобождение. Так я стал уникальным вдвойне. Единственный философ и единственный с иммунитетом к Болезни.

Ты бы знал, Эрик, как это трудно. Жить так долго, когда никто не живёт и шестой части твоего срока. Те, с кем я рос, давно мертвы, и не осталось никого, кто бы вообще помнил их. То же самое произошло и с поколением после них. И со следующим. Я заводил друзей, делился с ними всем, а они со мной, но каждый раз они уходили в мир иной. А я оставался. Люди понимают это, и поэтому начали сторониться меня. У меня уже очень давно не было друга...

Не могу сказать, что меня все избегают. Есть люди, которые приходят ко мне пообщаться. И не буду скрывать, ты – не первый, кто приходит не по своей воле. Не знаю, променял бы я свою долгую и одинокую жизнь на обычную. Скорее всего, нет. Но в любом случае, поверь, долголетие – это и подарок, и расплата в одной упаковке.

А теперь расскажи мне, что не даёт покоя тебе?

Глава XI. И всё же, почему так?

– Эрик, скажи. Что тебя мучает?

– Я совсем запутался, Аристокл. Поначалу я думал, что у меня просто депрессия из-за того, что я так и не смог найти лекарство. Но после того, как я провёл день в детском саду, я понял, что это не совсем так.

– Что именно не даёт тебе покоя, Эрик?

– Это не то, что я не нашёл лекарство. Вернее, не совсем то... Просто... Я ничего не оставил... Мне задали вопрос дети... Ну, знаете, есть поговорка: устами младенца глаголет истина.

– Это так. Дети ещё бесхитростны, хоть и гораздо более образованны, чем полтора века назад. Что же тебя спросили?

– Они спросили, почему мы отказались от естественного способа рождения детей. И я не знал, что ответить. Только не надо мне объяснять! Я знаю всю рациональную подоплёку. Что эти дети и так являются нашими потомками. Что они берутся не из капусты, а из нашего семени и яйцеклеток. Что такая система позволяет определить совместимость и исключает появление детей с отклонениями. Что заботы о ребёнке только отвлекали бы женщин от работы, да и мужчин тоже. Что нам нужна полная концентрация на Болезни. Но я всё равно не знал, что ответить!

– Почему, Эрик?

– Потому что я вдруг понял, что очень хотел бы иметь ребёнка. Хотя нет, глупо, я его и так наверняка имею или буду иметь в ближайшие пару лет. Но я бы хотел знать, кто это. Чтобы он знал, кто его отец. Чтобы я точно знал, что на земле остался кто-то после меня. И чтобы у этого кого-то было имя.

– Ну что же, Эрик. Я вполне могу понять тебя. У меня есть предложение. Давай узнаем это имя!

– В каком смысле?

– Нет ничего невозможного, Эрик! Давай встретимся завтра около здания инкубаторов. Ты когда-нибудь был там?

– Нет.

– Вот и я не был. Завтра сходим туда и всё выясним. Если у тебя есть ребёнок, то ты узнаешь его имя. А если нет, то... то мы попросим сделать тебя папой вне очереди. И ты сразу сможешь дать ему имя. И через девять месяцев он появится на свет. А если, когда придёт время, я всё ещё буду бродить по этой земле, то обязательно расскажу ему о тебе. Как тебе идея?

– Не уверен, что мы сможем ускорить процесс, если я ещё не отец. Станция полностью автоматическая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.